

«Цифровой капитализм» и старая сказка о потерянном времени

ВАЙСМАН Д. (2019). ВРЕМЕНИ В ОБРЕЗ: УСКОРЕНИЕ ЖИЗНИ ПРИ ЦИФРОВОМ КАПИТАЛИЗМЕ / ПЕР. С АНГЛ. Н. ЭДЕЛЬМАНА ПОД НАУЧ. РЕД. С. ШУКИНОЙ. М.: ДЕЛО. 304 С. ISBN 978-5-7749-1469-8

Эдуард Сафронов

Старший лаборант, Институт философии РАН

Адрес: ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 109240

E-mail: safroveduard@gmail.com

Для многих из нас уже давно стал очевидным парадокс: электронная почта, которая якобы должна облегчить процессы коммуникации и сделать нашу жизнь более удобной и эффективной, порою «съедает» все наше время — рабочее и нерабочее, социальное и физическое. И чем дальше, тем, кажется, больше наше время поглощается цифровыми технологиями. Исследователи и мыслители со всего мира уже не первое десятилетие пытаются объяснить такие противоречия «цифровой эпохи», непосредственно влияющие на общество вообще и на нашу жизнь в частности. Среди этих исследователей известный социолог Джуди Вайсман, книга которой 2015 года «Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме» вышла на русском языке в 2019 году в Издательском доме «Дело» РАНХиГС. Вайсман — профессор социологии в Лондонской школе экономики и политических наук — долгое время занималась исследованиями феминистской теории, социологии труда и социальными исследованиями техники. Основываясь на таком теоретико-практическом фундаменте, она решила обратиться к вопросу, который волнует многих из нас: почему техника, созданная для удобства человека, превратила жизнь в перманентный цейтнот?

Представленную попытку ответа на этот актуальный вопрос сложно оценить однозначно. С одной стороны, в книге есть ценные эмпирические данные по социологии труда, хотя и не всегда с достаточно удовлетворительным анализом. В частности, это исследование помех, создаваемых мобильным телефоном и электронной почтой в процессе трудовой деятельности, а также анализ роли женщин в домохозяйствах в контексте современного развития техники и технологий и в перспективе возможной цифровизации и роботизации. С другой стороны, мы наблюдаем концептуальную неразбериху и попытку осветить множество проблем на страницах не самой толстой книги. Само название задает слишком широкую дискурсивную рамку: здесь и цифровой капитализм, и время, и ускорение. После нескольких страниц введения к этим темам добавляются: техника и технологии,

© Сафронов Э. Е., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: 10.17323/1728-192X-2020-4-318-327

труд, досуг, феминистский анализ и «политические последствия». На сегодняшний день каждому из вышеперечисленных дискурсов посвящены отдельные монографии, сборники, журналы и т. д. Ни о каком консенсусе по любому из этих вопросов не может быть и речи. Давайте посмотрим, насколько автору удалось раскрыть эти темы и сказать что-то новое читателям.

Первую и вторую главы книги можно условно отнести к «концептуальному блоку». Здесь Вайсман пытается проработать некоторую теоретическую фундаментальность исследования. Из всего обилия заявленных проблем она концентрируется на времени и связанных с ним феноменах: ускорения и скорости. В первой главе Джуди Вайсман предлагает методологическую рамку, которую будет использовать в исследовании. Поскольку, как говорилось выше, Вайсман — специалист в области социальных исследований техники, то нет ничего странного в том, что красной нитью через исследование проходит Science and Technology Studies (STS). Мысль о том, что «социальный мир нельзя свести к технике, составляющей его содержание» (с. 31), постоянно повторяется на страницах книги в той или иной форме. Озвучив этот тезис, Вайсман переходит к анализу и критике концепций сверхскоростного общества.

Следуя наработкам немецкого социолога Хартмута Роза, Вайсман предлагает разделять ускорение на техническое, социальное и ускорение темпа жизни (с. 32). Связь между этими видами ускорений неочевидна и зачастую парадоксальна: так, техническое ускорение, освобождающее от многих рабочих и бытовых процессов, должно экономить наше время и тем самым замедлять темп жизни, однако это приводит лишь к постоянной нехватке свободного времени, что мы так ощущаем во всей полноте. Попытка понять этот парадокс и является целью исследования. Вайсман последовательно переходит от идей Дэвида Харви о том, что новые коммуникационные возможности экспоненциально ускорили экономические процессы, позволив контрагентам со всех концов света существовать в режиме «реального времени», тем самым символически уничтожив сначала пространство, а потом и само время, к теории « сетевого общества » Мануэля Кастельса и работе «Социология за пределами обществ» Джона Урри¹. Не останавливаясь подробно на содержании этих книг, Вайсман эксплицирует из концепций темпоральный аспект и анализирует понятия «вневременного» и «мгновенного времени» Кастельса и Урри соответственно. Она критикует оба концепта за несоответствие эмпирической реальности, где личная встреча по-прежнему — важный социальный феномен, даже в сфере экономических отношений, а информация не эфемерна, но имеет физическое воплощение в дата-центрах и физическое же ограничение в скорости обмена и передачи (с. 39–40). Стоит отметить, что автор критикует эти

1. *Harvey D.* (1989). *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change.* Cambridge: Blackwell Publishers; *Castells M.* (1996). *The Rise of the Network Society.* Oxford: Blackwell; *Урри Д.* (2012). *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: НИУ ВШЭ.*

концепты Кагельса и Урри, не обращаясь к их содержанию, которое подразумевает скорее описание тенденций, а не новые законы природы.

Далее Вайсман рассматривает идеи французского философа Поля Вирильо² и социологов Барбары Адам и Роберта Хассана — ключевых (вместе с упомянутым выше Хартмутом Роза) современных исследователей ускорения и времени (с. 44–52). Стратегия Вайсман остается прежней: она указывает на неявный технологический детерминизм, культурный пессимизм и страх перед техникой и технологиями. Автор последовательно показывает, как из предпосылки «технологии представляют собой итог ряда конкретных решений, принимаемых конкретными людьми в конкретных местах в конкретное время в своих целях» (с. 55) следует, что техника не формирует время, а находится с ним в постоянном взаимном влиянии. Кроме того, технология также взаимодействует с человеком, который волен использовать ее как для освобождения, так и для колонизации свободного времени. Таким образом, Вайсман показывает, что техника как социоматериальная практика всегда имеет несколько сторон и что ускорение технического развития необязательно приводит к ускорению темпа жизни, как считают многие теоретики ускоряющегося общества. Интересно, что Вайсман совершенно не рассматривает политическое измерение ускорения: теории «акселерационизма» Ника Ланда и Ника Срничека с Алексом Уильямсом³, постулируя в дальнейшем политический потенциал своего исследования как стремление к равенству возможностей по использованию времени между социальными группами разного достатка и дальнейшей эмансипации женщин от темпорального напряжения, связанного с работой по дому и воспитанием детей.

В целом очевидно, что концептуальная часть мало интересует автора: постоянные скачки между временем, ускорением, скоростью, пространством, темпоральными режимами не дают полноценного представления о теоретическом аппарате, который будет использоваться в дальнейшем, тем более что многие из обсуждаемых авторских концепций остаются исключительно в теоретической части работы. Эти главы скорее представляют собой экскурс в дискуссию о времени и ускорении. Вайсман представляет несколько удобных ей концепций, не обращая внимания на другие социальные теории времени⁴, обвиняет их в технологическом детерминизме и непонимании природы техники, после чего постулирует несложный тезис о том, что все не так просто, как кажется. Другая составляющая оптики

2. В частности, дромологический закон, согласно которому ускорение порождает новые формы замедления. См.: Virilio P. (2006). *Speed and Politics*. Los Angeles: Semiotext(e).

3. См.: Морозов А. В. (2019). Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Т. 1. № 2. С. 226–242; Павлов А. В. (2019). Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постмодернизмом // *Логос*. № 2. С. 1–24; Сафронов Э. (2019). Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // *Логос*. № 3. С. 279–289.

4. Луман Н. (2004). *Мировое время и история систем: об отношениях между временными горизонтами и социальными структурами общественных систем* / Пер. с нем. В. Бакусева // *Логос*. № 5. С. 131–168; Люббе Г. (2016). *В ногу со временем: сокращенное пребывание в настоящем* / Пер. с нем. А. Б. Григорьева и В. А. Куренного под науч. ред. В. А. Куренного. М.: НИУ ВШЭ.

Вайсман — феминистская теория и неравенство. Опираясь на гендерную критику труда, Вайсман аргументирует несостоятельность теорий мобильности Урри и Гидденса в связи с тем, что они не учитывают неравенство возможностей по отношению к феномену мобильности у малообеспеченных слоев населения и женщин. Все это приводит Вайсман к выводу о том, что для полноценного анализа феномена нехватки времени необходимо подключать эмпирический материал. Одним словом, мы видим, что социальные теории, названные Вайсман, оказываются не слишком полезными для работы с эмпирикой, но феминизм и STS — «работают» на протяжении всего изложения материала. Собственно, именно работа с эмпирическим материалом через призму STS и феминистской теории составляет большую часть книги, благодаря чему она становится по-настоящему ценной.

«Парадокс нехватки времени» — третья глава книги. В ней автор вплотную подходит к вопросу, почему, несмотря на объективные показатели об увеличении количества свободного времени в западных странах, люди все больше чувствуют постоянную спешку и отсутствие возможностей решать личные вопросы. Вайсман предлагает рассмотреть три подхода к изучению подобного восприятия времени: экономический, культурный и темпоральный. Экономический подход объясняет парадокс нехватки времени тем, что статистика о сокращении рабочего времени складывается из усредненных данных, которые показывают, что одни группы населения тратят на работу все меньше времени или не тратят вообще, в то время как другие уделяют работе все больше времени. Другим важным фактором в рамках экономического подхода, по мнению Вайсман, является выход женщин на рынок труда и, как следствие, рост домохозяйств с двумя кормильцами. В этом случае кроме работы по найму остается работа по дому и воспитанию детей, которая в большем объеме ложится на плечи женщин, оставляя им ничтожное количество «качественного свободного времени» (с. 105–120). Культурный подход объясняет нехватку времени с точки зрения новых практик. Например, возникновение «культуры переработок» или гиперопека при воспитании детей. Кроме того, «загруженность» как антоним «праздности» приобретает позитивные коннотации и становится синонимом успеха. При этом загруженность распространяется не только на рабочее время, но и подразумевает под собой активный досуг как активное потребление. Индивид, принимающий такие правила игры, начинает свой бег в «потребительском колесе» — работает не покладая рук ради повышения своего уровня потребления, жалуется на нехватку времени, а если выпадает свободная минута — корит себя за бездеятельность (с. 120–126).

Третий — темпоральный — подход основывается на работе британских социологов Марка Томлинсона и Дэйла Саутертона⁵. Они выделили три составляющих темпорального «сжатия»: количество времени на работу и потребление; темпоральную дезорганизацию — сложность координации социальных практик между людьми; темпоральную плотность, которая зависит от многозадачности

5. Southerton D., Tomlinson M. (2005). Pressed for Time: The Differential Aspects of a Time Squeeze // Sociological Review. Vol. 53. № 2. P. 232–233.

и насыщенности определенных временных промежутков. Первый параметр не может дать нам полного представления о «сжатии», так как увеличение количества свободного времени противоречит чувству его недостатка. Темпоральная дезорганизация связана с разрушением институционально стабильных социальных ритмов, стандартная рабочая неделя больше не является обязательной нормой, гибкая занятость, ночные смены, постоянная подключенность перекраивают темпоральный ландшафт, следовательно, временные промежутки для социализации сокращаются, заставляя нас постоянно подстраиваться для рабочей, семейной и дружественной коммуникации. Этот процесс создает ощущение спешки из-за трудностей синхронизации графиков работы и досуга. Темпоральная плотность описывается на примере многозадачности. Так, утро для многих является наиболее «темпорально плотным» отрезком времени: умывание, чистка зубов, параллельные попытки приготовления завтрака и чтения новостей вызывают чувство измотанности. Через темпоральную плотность Вайсман анализирует досуг, разделяя его на чистый, который не сопровождается дополнительными делами, и перемежающийся с делами (например, просмотр телевизора во время глажки белья). Здесь автор возвращается к гендерному анализу и показывает, как домашние заботы влияют на темпоральную плотность женского досуга, разделяя его на краткосрочные отрезки, которые не позволяют в полной мере расслабиться и вызывают чувство постоянной измотанности (с. 128–142).

Экономический подход представляет собой эмпирическую работу со статистикой, темпоральный — объединяет в себе обращение к эмпирике и некоторую степень концептуализации, а культурный — строится на теориях Пьера Бурдьё и Джонатана Гершуни. При этом очевидно, что от культурного подхода до анализа капитализма Вайсман отделяет один шаг, который она, что удивительно, так и не делает. Это не идет на пользу книге в целом. Во второй главе Вайсман обращается к знаменитой статье английского историка Эдварда П. Томпсона «Время, трудовая дисциплина и промышленный капитализм» (1967), чтобы показать истоки современного понимания социального времени как максимы «время-деньги». При этом в той же статье Томпсон пишет о различии двух форм труда: почасового и эффективного, ориентированного на решение конкретных задач⁶. Индустриальный капитализм делал ставку на почасовой труд, сопротивляться чему могли люди, не занятые на производстве, — ученые, художники, студенты, фермеры. Когнитивизация капитализма и переориентация основной массы работников с индустриального на «постиндустриальный» способ производства постепенно сделали «эффективный» труд преобладающей парадигмой. Так, менеджмент взамен почасового выполнения должностных обязанностей начал делать ставку на ключевые показатели эффективности (KPI), то есть на личные качества отдельного работника, а не на трудовую операцию. Экономика в итоге и сформировала современную культу-

6. *Thompson E. P.* (1967). *Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism // Past & Present.* № 38. P. 56–97.

ру, если обратиться к идее Фредрика Джеймисона⁷. В книге этот аспект совершенно упускается из виду, несмотря на термин «цифровой капитализм» в названии. Этот «цифровой капитализм» никак не концептуализируется в исследовании и в тексте представлен скорее набором технических артефактов, нежели социальной или экономической «абстракцией». «Цифровой капитализм» в понимании Вайсман — скорее темпоральная категория, период, начало которого четко не обозначается.

Отсутствие теоретической абстракции особенно заметно в следующей части, состоящей из четвертой и шестой глав книги. В четвертой главе Джуди Вайсман рассуждает о взаимосвязи работы и ИКТ. Ключевой тезис здесь состоит в том, что «трудовые практики переформируются по мере того, как наемные работники приспособляются к постоянной подключенности, свойственной их труду» (с. 147). По мнению Вайсман, представление о работнике как о пленнике современных технологий не соответствует действительности. Этого работника как субъекта цифрового капитализма характеризует использование в рабочем процессе электронной почты, Интернета и мобильного телефона. Данные технологии влияют на темп работы: помехи и многозадачность — ключевые аспекты интенсификации труда. Ссылаясь на собственные исследования, Вайсман показывает, что непосредственно ИКТ, в частности электронная почта и мобильный телефон, выступают скорее в качестве символа перегрузки, при этом темп и интенсификация работы зависят не от непосредственных технических артефактов, а от новых практик менеджмента, подкрепленных возможностью отслеживать ход работы при помощи анализа почты и звонков. Помехи (например, необходимость реагировать на уведомления почты в ходе другого рабочего процесса) также не обусловлены техникой и скорее встраиваются в новый «коммуникационный репертуар», становясь важным аспектом новой профессиональной парадигмы. А многозадачность как выполнение нескольких действий одновременно не является характеристикой исключительно цифрового общества и может быть прочитана скорее как личная темпоральная ориентация, нежели как непосредственный результат влияния ИКТ (с. 145–182).

В шестой главе техника рассматривается как сближающая сила для семейных и дружеских коммуникаций. Если телефон выступает как символ постоянной подключенности, то такая подключенность работает не только как фактор производственного стресса во время досуга, но и как досуговый фактор во время производственного процесса. Мобильный телефон в личном использовании становится сближающим средством. Скрупулезность проведенного Вайсман анализа диссонирует с банальностью и очевидностью выводов. Вряд ли даже в 2015 году

7. Джеймисон Ф. (2019). Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара; Павлов А. В. (2019) Странная жизнь постмодернизма // Джеймисон. Указ. соч. С. 7–53. См. также рецензию на эту книгу в «Социологическом обозрении»: Афанасов Н. Б. (2019). В поисках утраченной современности // Социологическое обозрение. Т. 18. № 1. С. 256–265.

(год выхода книги на английском языке) можно было кого-то удивить фактом, что мобильный телефон как материальный артефакт не только интенсифицирует работу, но и заключает в себе освободительный потенциал, а электронная почта может рассматриваться и как символ постоянной подключенности, вызывающей стресс, и как возможность асинхронной коммуникации, позволяющей оптимизировать рабочие и личные контакты. Объяснить банальность такого вывода достаточно легко. Это связано с отсутствием необходимой социальной и экономической абстракции в концепции Вайсман, о чем говорилось ранее. Поэтому автор рассматривает телефон и электронную почту в узком контексте коммуникационных феноменов, что не позволяет Вайсман проанализировать режим постоянной подключенности в его «тотальности». Очевидно, что телефон не может заставить работника принимать и совершать рабочие звонки во время семейного ужина. Однако если над системой социально-технологических отношений есть система отношений социально-экономических, которая тотализирует всю жизнь наемного или самозанятого субъекта и заставляет его из соображений конкуренции находиться на связи 24/7, посвящать свободное время самообучению и повышению конкурентных навыков, то освободительная функция ИКТ хоть и остается осязаемой, но отходит на задний план.

Интернет также рассматривается Вайсман как социоматериальный феномен с позиций STS, при этом автор лишь вскользь обсуждает вопросы цифрового труда и новой цифровой социальности, которая формируется на стыке офлайна и онлайн, производства и потребления контента. В начале второй главы Вайсман пишет, что процессы технического развития обуславливаются культурными ценностями и властными моделями социально-производственных отношений, при этом вопрос использования ИКТ в качестве средства контроля над производительностью сотрудника не анализируется. Насколько же силен освободительный потенциал Интернета на рабочем месте, если брандмауэр, установленный работодателем, оставляет лишь узкую амбразуру в дивный цифровой мир? Можно расценивать телефон и телефонные звонки исключительно как инструмент, подчиняющийся воле работника, самостоятельно и креативно формирующего свои коммуникационные иерархии. Однако если в качестве артефакта рассматривать смартфон как соответствующее духу времени устройство, то в игру неожиданно вступит капиталистическая конкуренция за наше время. Социальные сети, игры и приложения борются за внимание пользователей намного успешнее и отвлекают нас куда чаще, чем книга, кроссворд, радио или газета индустриальной эпохи. Гораздо сложнее анализировать и искать освободительный потенциал с точки зрения STS в мобильной игре, спроектированной с применением результатов исследований в когнитивной психологии и созданной для борьбы за наше время, внимание и деньги. Все эти феномены имеют большее отношение к «цифровому капитализму», чем телефон и электронная почта в качестве личного и рабочего телеграфа.

Пятая глава «Время и быт» имеет опосредованное отношение к цифровизации, за исключением последней части, посвященной утопичности проекта умного дома как решения проблемы бытовой занятости. Однако это делает данную часть книги наиболее интересной и содержательной. Джуди Вайсман показывает, как революция в бытовой технике, призванная освободить время в домохозяйствах, в итоге привела к тому, что дом так и остался ареной борьбы с домашними делами. Это обуславливается тем, что вместе с техническими возможностями, такими как микроволновая печь, стиральная машина, морозильник, выросли и стандарты потребления и чистоты, тем самым заново «захватив», казалось бы, освободившееся время. Также Вайсман подробно рассматривает процесс воспитания детей, который требует качественного свободного времени и не поддается ускорению с помощью цифровизации. Кроме того, стандарты воспитания за последнее время выросли, и сегодня родители проводят больше времени с ребенком, чем в середине прошлого века. При этом дом по-прежнему остается местом гендерного неравенства в части распределения обязанностей (с. 185–223). На примере этой главы мы видим, как капитализм совершил виток от «капитализма услуг» к «капитализму самообслуживания». Рассматривая аутсорсинг домашних обязанностей, Вайсман делает акцент на росте количества дешевой рабочей силы из стран третьего мира, однако при этом не проговаривает феномен возвращения к услугам через «бережливые платформы» и «уберизацию»⁸.

В заключении Вайсман пишет о способах нахождения свободного времени в цифровую эпоху. Мы вновь возвращаемся к тому, что техническое ускорение не равно ускорению темпа жизни, что техника не детерминирована, а формируется человеком и подстраивается под человека, и что нам необходим не технологический пессимизм, а поиск в технологиях и технике освободительного потенциала. Завершается все призывом «бросить вызов эйфории скорости и техническому импульсу к ее достижению и обуздать нашу изобретательность, чтобы обрести более полный контроль над нашим временем» (с. 301).

Влияние цифровизации на социальные, политические, экономические, культурные и другие аспекты жизни общества давно стало очевидным и неоспоримым. Началом процесса концептуализации «информационного общества», с некоторой долей условности, можно назвать работу американского социолога Даниела Белла «Грядущее постиндустриальное общество», выпущенную в 1973 году⁹. С момента выхода книги Белла ведущими социологами и философами было предпринято множество попыток ухватить и описать характерные особенности постиндустриальной эпохи, и если в 1970-х и начале 1980-х годов под ними чаще подразумевались экономика услуг, знаний и глобализация, то в конце XX века во

8. *Срничек Н.* (2019). Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: НИУ ВШЭ.

9. *Белл Д.* (2004). Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia.

главу угла встала компьютеризация, в частности развитие информационно-коммуникационных технологий.

Как мы указывали во вступлении, книга одним своим названием сулит нам перспективы исследования большого спектра актуальных проблем. Но именно это и делает работу Вайсман уязвимой для критики. Сам по себе «цифровой капитализм» не является устойчивой и понятной всем концепцией и выступает скорее как зонтичный термин, объединяющий актуальную проблематику на стыке экономики, социологии, философии и политической теории. Вайсман же пытается представить цифровой капитализм в качестве преемника капитализма индустриального, показывая во второй главе, что вопросы времени, ускорения и скорости были свойственны индустриальной эпохе на протяжении всего времени существования и что качественным изменением в коммуникации было изобретение телеграфа, а не мобильного телефона и электронной почты. Такой подход спасает от эйфории перед новыми технологиями, однако мешает за телефоном и почтой увидеть и проанализировать качественно новые феномены.

Так, Интернет (на наш взгляд, более релевантный пример технологического влияния «цифрового капитализма») трансформирует дихотомию работы и досуга до неузнаваемости. Сегодня свободный, нематериальный, цифровой труд¹⁰ уже не может описываться через анализ исследовательской рамки «работа-дом». Некоторые авторы ставят под сомнение коммуникацию в Сети, утверждая, что Сеть устроена таким образом, что коммуникационный акт превращается в поток циркуляции контента и теряет свое содержание¹¹. Другие изучают, каким образом техника из помощника становится элементом глобальной сети контроля¹². Вопросы такого рода исследуются не только на более высоком концептуальном уровне, но и с большим погружением в определенную проблематику. Например, объемное исследование Адама Гринфилда описывает работу множества современных технологий от смартфона до искусственного интеллекта, раскрывая их демократический потенциал и показывая их капиталистическую и неолиберальную изнанку. Герт Ловинк подробно исследует Интернет с точки зрения социальной и медиатеорий, Ник Срничек и Алекс Уильямс пытаются представить проект посткапиталистического общества, проблематизируя современную трудовую этику, автоматизацию производства и сокращение рабочего дня¹³. Все эти и многие другие авторы

10. *Dyer-Witheford N.* (2015). *Cyber-Proletariat. Global Labour in the Digital Vortex*. L.: Pluto Press; *Lazarato M.* (1996). *Immaterial Labor // Virno P., Hardt M.* (eds.). *Radical Thought in Italy*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 133–147; *Terranova T.* (2000). *Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy // Social Text*. Vol. 18. № 2. P. 33–58.

11. *Dean J.* (2009). *Democracy and Other Neoliberal Fantasies: Communicative Capitalism and Left Politics*. Durham: Duke University Press.

12. *Zuboff S.* (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: PublicAffairs.

13. *Гринфилд А.* (2018). *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни* / Пер. с англ. И. Кушнारेвой под науч. ред. С. Щукиной. М.: Дело; *Ловинк Г.* (2019). *Критическая теория интернета* / Пер. с англ. Д. Лебедева и П. Торкановского под ред. А. Гуменского. М.: Ад Маргинем Пресс; *Срничек Н., Уильямс А.* (2019). *Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда* / Пер. с англ. Н. Охотина. М.: Strelka Press.

вкпе дают более полное представление о различных феноменах цифрового капитализма, чем в книге Вайсман.

На данный момент именно описание через конкретные проявления помогает составить общую картину современной капиталистической формации. Это лишний раз подтверждает, что широкое и не определенное проблемное поле вкпе с не во всем проработанной концептуальной рамкой не позволяет сегодня всерьез анализировать современный капитализм. Но, в конце концов, бумажная книга — прекрасный физический артефакт, который мы можем использовать для временного выхода из режима повышенной «темпоральной плотности», вызванной цифровизацией, и получить тем самым несколько вечеров приятного вдумчивого чтения и неторопливых размышлений.

“Digital Capitalism” and the Old Fairytale about Lost Time

Eduard Safronov

Senior Research Assistant, Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Address: Goncharnaya str., 12/1, Moscow, Russian Federation 109240

E-mail: safronoveduard@gmail.com

Book Review: Judy Wajcman, *Vremeni v obrez: uskoreniye zhizni pri tsifrovom kapitalizme* [Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism] (Moscow: Delo, 2019).